

ПРОЛОГ

Эма

Ночь такая яркая, что глазам больно: она привыкла к темноте, к потолку, всегда одинаковому и такому низкому, что едва можно выпрямиться. Наверное, поэтому ночное небо кажется ей ослепительным. Она привыкла к гробовой тишине подвала, и теперь едва различимые ночные шорохи бьют по барабанным перепонкам, заставляют стискивать зубы. Она борется с желанием зажмуриться и стиснуть уши ладонями и, спотыкаясь, все дальше бредет по обочине дороги, хотя с каждым шагом в ее босые подошвы снова и снова вонзаются острые грани мелкого гравия.

Она совсем отвыкла ходить, и при каждом шаге ослабевшие мышцы ног дрожат от натуги. Истерзанную кожу обнаженных рук и ног холодят порывы ветра, и она вздрагивает всем телом, когда на лоб падает тяжелая ледяная капля. Вокруг уже вовсю оглушительно стучат другие такие же капли, воздух с каждой секундой делается все холоднее; ее начинает тряс-

ти. «Это дождь», — вспоминает она, с усилием выуживая нужное слово из затянутых темной мглой глубин памяти. Просто дождь. Не стоит бояться, это просто вода, которая льется с неба.

Воспоминание о том, как вода из опрокинутых ведер заливала ей рот и нос, заставляя захлебнуться, глуша истошные крики, вызывает спазмы в нервных окончаниях. Когда холодный дождь превращается из морозящего в настоящий ливень, у нее подкашиваются ноги. Колени врезаются в придорожный гравий, но она едва это чувствует. Выбросив вперед обе руки, она успевает остановить падение и с недоумением разглядывает свои запястья. Ни веревок, ни цепей. Только широкие полосы старых шрамов, местами еще с багровыми кровоподтеками.

Оцепенев, она не может оторвать от них глаза.

Ее руки! Они свободны.

Жалобный стон срывается с губ и растворяется в мелкой дробе дождевых капель по асфальту. Даже когда сквозь шум дождя до нее доносится гулкий рев автомобильного мотора, даже когда фары съехавшей на обочину и замершей прямо перед ней машины ослепляют ее, она не может заставить себя отвести взгляд от своих рук.

У нее нет больше сил сопротивляться.

Так или иначе, от напрасной борьбы никогда не было толку.

Шаги хрустят по гравию. Кто-то склоняется над ней, на мгновение укрывая от ливня.

— Эй, девочка. Ты как, в порядке?

Она и рада бы ответить, но не уверена, сумеет ли говорить. Может, эта способность улетучилась, еще много месяцев назад исчезла без следа, — а она об этом так и не узнала? Стоило бы ответить, но она боится обнаружить пропажу.

— Как ты сюда попала?

Слышатся еще шаги и уже другой, новый голос.

— Что за черт, Шон. Ты глянь на нее!

— Да, я вижу.

— Нет, ты только глянь... — Долгая череда ругательств. — Ну все, я вызываю подкрепление.

— Нужно посадить ее в машину, — говорит первый голос. Он отличается от второго: помягче, успокаивающий. В нем есть эмоции, о существовании которых она, оказывается, давно забыла.

— Не вздумай, — возражает второй. — Даже не прикасайся к ней. Я вызову сюда скорую.

— С ума сошел? Здесь дождь как из ведра, у нее уже зубы стучат. Сейчас я отнесу ее в ма-

шину, и тогда вызывай свою скорую, хоть десять штук сразу.

— Протокол, Шон! — напоминает второй. Голос звучит сердито, и прилив ужаса заставляет ее свернуться, вжать лицо в колени. Никогда не помогало, но по какой-то причине она продолжает так делать.

— На хрен протоколы, — огрызается первый голос. — Присмотрись к ней, черт подери. Она без обуви и вся в крови.

Наконец она чуть приподнимает голову, щурясь. Сквозь пелену дождя вспыхивают красные и синие огни. Красный, синий, красный, синий, красный, синий. Как красиво, думает она. Уже очень давно ей не доводилось видеть сразу столько ярких красок. От них на глаза наворачиваются слезы — хотя, возможно, их просто заливают дождем.

Она пытается вспомнить, что может означать бело-голубая машина с красными и синими сигнальными огнями, — но не может.

Шурша непромокаемой тканью, кто-то опускается на колени совсем рядом. Она поспешно вжимается лбом в колени.

— Милая, — негромко произносит чей-то голос. Тот первый, «хороший» голос. — Милая, с тобой все в порядке?

— Шон! — рывкает где-то второй, «плохой» голос.

— Отвали, Мерфи. Всего лишь маленькая девочка.

Она поднимает глаза, прогоняет лишнюю воду взмахом ресниц и впервые видит обладателя «хорошего» голоса — всего на краткий миг, прежде чем струи дождя вновь блокируют зрение. У него широко открытые темные миндалевидные глаза, и они полны участия, тревоги и печали.

Что-то внутри нее с треском лопается, и наружу выплескиваются рыдания, копившиеся целую вечность. Остатки сил оставляют ее, и обладателю «хорошего» голоса не остается ничего иного, кроме как подхватить девочку прежде, чем та снова осядет на гравий обочины. Руки у него теплые и сухие. Надежные руки.

Она давно забыла, каково это — быть в безопасности.

Ей едва слышно, как где-то вдали второй голос ругается на чем свет стоит. Она совсем теряет в своей боли, в своих печалях и в тепле этих надежных рук, так что едва не упускает потрясенные слова человека, который поддерживает ее, не давая упасть:

— Проклятье, это же та девчонка! Пропавшая девочка. Элла Сантос.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лэйни, наши дни

Нормальность неплохо удается имитировать, если, конечно, постараться. Первым делом нужно убедить себя в собственной нормальности, тогда и окружающие, последовав примеру, поверят в нее — совсем как овцы, которые одна за другой прыгают с обрыва. Следует вести себя максимально адекватно и выполнять все нужные действия. Фальшивая оболочка нормальности довольно тонка, но уже очень скоро обнаруживается, что никто не торопится искать в ней слабинку и уж тем более — срывать ее. Можно целую жизнь провести, переходя от одного рутинного действия к другому, никогда не нарушая привычного шаблона. Никто даже не заподозрит подвоха. По крайней мере, я на это рассчитываю.

Но я начинаю понимать, что долго моей оболочке не продержаться, в тот день, когда впервые вижу Оливию Шоу.

Обычно я прихожу в свой продуктовый в семь и ухожу в два, чтобы либо побегать, ли-

бо вздремнуть до начала смены на второй работе. Как минимум две пробежки в неделю, обычно три, — а когда между сменами не хватает времени, я устраиваю утреннюю пробежку, вставая пораньше на следующий день. Когда я рассказала об этом другой кассирше, та со вздохом призналась, что завидует такой дисциплине; я лишь кивнула в ответ, потому что... А как на это ответишь? С тех пор я стараюсь не говорить с людьми о том, что делаю вне работы. В этом продуктовом я уже почти полгода: для меня это очень долго, и уже недалек тот день, когда коллеги зададутся вопросом, чего это я не желаю с ними знаться.

Той девушки, кассирши, сегодня опять нет. Давно ее не видела; может, заведующая поменяла ей смену или вообще уволила, не знаю. Нашу заведующую зовут Шарлин, и выглядит она в точности под стать имени: ортопедические туфли, химическая завивка и вечная помада того ледящего оттенка, который стоило бы снять с производства еще в далеком 1989 году. Наверное, она считает себя кем-то вроде заботливой мамы-курицы, но я еще помню тяжесть взгляда, которым она наградила меня, стоило опоздать на пятнадцать минут. Воздух на улице до того влажен, что кажется, будто я пытаюсь дышать, лежа на дне бассейна; мои волосы пушатся, упрямо зави-

ваясь, хотя всего час тому назад их вытягивали утюжком. Липкий холодок преследует меня даже после облачения в униформу — розово-лиловую толстовку с логотипом магазина над правой грудью, под которым отпечатано мое имя: «Лэйни М.». Буква «М.» нужна затем, что я здесь не единственная Лэйни: пухленькая девица, которая так наивно пыталась со мною подружиться, была «Лэйни Р.». И до сих пор ею остается, наверное, даже если сменила место работы. Именно так она пыталась взломать ледок между нами: «О, ты только посмотри, у нас одинаковые имена, вот так совпадение!» Я не стала говорить ей, что никто не зовет меня «Лэйни». Во всяком случае, никто из тех, кто имеет хоть какое-то значение.

Это неважно. Я даже не сама выбрала себе это имя. Его наугад подобрали в больнице: имя героини какого-то сериала и безликая фамилия — в пару к нему. Совершенно обычная, ничем не примечательная. Спрятать меня на самом виду — такой был у них замысел.

И он всегда срабатывал, — по крайней мере, вплоть до этого дня. Сегодня Шарлин, наша заведующая, подталкивает ко мне тонкую стопку обычных бумажных листовок, чтобы я развесила их возле двойных стеклянных дверей входа-выхода. Я чуть торможу и машинально беру их, позабыв, что сегодня не воскресенье

и что специальные предложения на неделю уже красуются на своих местах: говяжий фарш — по три девяносто девять за фунт, а три банки томатного концентрата — всего за четыре доллара. Только тогда мой взгляд скользит вниз, и я вижу, что у меня в руках. В этот миг я впадаю в ступор.

Ничего особо необычного. Ничего такого, чего не случилось бы раньше, — уже дважды за время моей работы в этом магазине. Первым был шестилетний мальчик, которого благополучно нашли через неделю: его отец сбежал из города, нарушив условия совместной опеки. Второй случай — старушка, которая пропала без вести в этом районе и, как считалось, покончила с собой. Никто не знает, что с ней на самом деле случилось, и тем более я, но однажды прихожу на работу, а бумажки с объявлением уже нет; на ее месте — недельные рекламки с дынями, брокколи и фирменными чипсами нашего бренда. Скорее всего, та старушка действительно свела счеты с жизнью. Только она — не из тех пропавших, чья судьба может меня интересовать.

Но сегодня я гляжу на пачку зажатых в руке бумажек и вижу ее — Оливию Шоу, десяти лет от роду.

Типичная листовка полиции Сиэтла о розыске пропавших, с фотографией и акkuratными

колонками примет и обстоятельств исчезновения под ней. В оригинале снимок, судя по всему, был высококачественным и полноцветным, но чернила в полицейском принтере подошли к концу, и цвета размазались, как на фотографиях, сделанных «Полароидом».

Оливия Шоу пропала в прошлый вторник. Последний раз ее видели у входа в начальную школу в Хантс-Пойнте. На ней были белая демисезонная куртка и розовые ботинки. Мой мозг на автопилоте регистрирует эти данные, впечатывая в память каждое слово, а тем временем еще какая-то часть меня отстраненно, методично расставляет галочки в отведенных для этого квадратах. Словно кусочки стекла в трубке калейдоскопа, они щелкают, складывая особый узор.

«Если вам что-либо известно о местонахождении Оливии Шоу или вы располагаете другими сведениями, имеющими отношение к ее исчезновению, пожалуйста, свяжитесь с...»

Образы всплывают в моем сознании за мгновение до того, как осесть горсткой черной пыли, — точно сон, чей сюжет никак не удастся вспомнить. За последние десять лет я немало времени провела, вглядываясь в лица девочек на листовках о пропавших без вести, гадая, кто из них сменил меня в том подвале. Только ни одна не подходила — ни возрастом, ни внеш-

ностью, ни обстоятельствами исчезновения. Чем-то отличались от Оливии Шоу, десяти лет от роду, с момента пропажи которой завтра исполнится неделя.

Из бессонных ночей, проведенных за компьютером, я знаю, что большинство жертв похищений погибают в течение сорока восьми часов.

Ты настоящий *везунчик*, Элла.

Я заставляю себя хорошенько разглядеть слегка смазанные черты лица на фотографии, и окончательно теряю способность шевелиться.

Оливию Шоу можно назвать зеркальным отражением меня самой, если отмотать время на тринадцать лет назад. Вокруг головы у нее — непослушный ореол мягких темных кудрей: совсем как у меня, если не пытаться волосы утюжком. Смуглая кожа, как и у меня. А ее глаза... Не могу толком различить цвет из-за полос от принтера на листовке, но в описании сказано, что они серые.

Звуки моего имени — другого, нового имени — не сразу проникают в набухший вокруг меня пузырь тишины. Заведующая. Такое ощущение, что хребет обратился в хрупкий камень и шея запросто может переломиться, если повернуть голову слишком быстро. На лице Шарлин я распознаю замешательство.

— Лента... — говорит она, моргая редкими ресницами в комках туши.

Лента? Точно. Липкая лента. Не отдавая себе в этом отчет, я почесываю под рукавом внутреннюю сторону руки. Заведующая протягивает мне рулон прозрачного скотча, и выражение ее лица все ближе и ближе к раздражению. Чтобы преодолеть расстояние между нами, приходится сделать пять шагов, и теперь я могу принять у нее скотч. Когда рука тянется вперед, рукав сползает, и из узкой манжеты выскакивает косточка запястья. Взгляд Шарлин скользит по ней всего долю секунды: так люди украдкой разглядывают чье-то обезображенное лицо — они пялятся не пялясь и с таким напряжением спешат отвернуться, что уже хочется, чтобы они не торопясь разглядели все детали уродства, сполна удовлетворили свое нездоровое любопытство и покончили бы с этим. Носить перчатки с обрезанными пальцами здесь не получится: местный дресс-код запрещает любые «аксессуары». Отсюда моя привычка постоянно держать рукава приспущенными: инстинкт, который срабатывает и вне магазина.

Пожалуй, не самая скверная из привычек, если учесть все обстоятельства.

Треск отрывающейся от рулона липкой ленты топорщит волоски на моих руках, и я прижимаю листовку к стеклу у входа в магазин,

чересчур тщательно ее выравнивая, прежде чем подклеить уголки. Будто это как-то поможет пропавшей девочке. Знаю наверняка, все эти старания — лишь повод перечитать текст и еще разок рассмотреть фотографию, впечатать их в сетчатку глаз на веки вечные. Добавить Оливию Шоу в постоянно пополняющуюся коллекцию пропавших. Вот только какая-то часть меня уже знает, что новый экспонат не похож на все остальные.

Автоматические двери входа с шипением разъезжаются в стороны, когда я прохожу сквозь них, едва переставляя гудящие от напряжения ноги.

— Шарлин, — слышу я собственный голос. — Выскочу покурить.

Она что-то говорит насчет пяти минут до открытия, но я и не собираюсь задерживаться дольше. И уже иду к выходу — хлопаю себя по карманам, не дожидаясь, пока двери опять разъедутся, чтобы меня выпустить, и пытаюсь сообразить, куда могла деться пачка сигарет, запасенная на такой вот экстренный случай. Вероятно, она — в кармане моего жакета, оставленного в подсобке магазина, в комнате отдыха персонала, в шкафчике размером чуть посolidней коробки из-под обуви. Жаль. Впрочем, едва ли единственная сигарета сумела бы меня успокоить. Вместо этого я достаю из кар-

мана телефон и пялюсь на дисплей, пока тот не расплывается мутным пятном, ввожу код и трижды ошибаюсь, прежде чем аппарат снимает наконец блокировку. Тычу пальцем в иконку браузера и лихорадочно набираю текст в поисковом окошке.

Еще один факт, усвоенный во время ночных вылазок в Интернет: похитители, насильники и серийные убийцы не в состоянии в один прекрасный день просто взять и остановиться. Их останавливают. Того, кто когда-то похитил меня — Эллу то есть, — так и не нашли. Но за последние десять лет других похищенных девочек не было.

А теперь есть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В книгах и фильмах нередко встречается такой персонаж — сломленная девушка, которая обязательно умирает в конце. Иногда ей позволяют напоследок совершить какой-то героический поступок или произнести последнюю саркастическую реплику, прежде чем испустит дух. Порой она жертвует собой ради спасения главных героев, или ее смерть является запоздалым решением проблем основного сюжета — не имеющим особого смысла несчастным случаем. Так или иначе, в конце она обязательно умирает, потому что слишком замарана, чтобы жить.

Такой смерти я всякий раз завидую. В роли сломленной девушки, не дотянувшей до финала, давно стоило бы выступить и мне.

Для всех было бы лучше, просто умри я, — как и считалось все годы, пока меня не нашли. Лучше в первую очередь для меня самой — для того безымянного, бессловесного существа, что поднялось из истлевших останков Эллы Сантос. Для мерзкого отродья, живого девичьего трупа.

Для этого лишенного голоса создания, этого покрытого шрамами и швами чудища Франкенштейна пришлось выдумывать новое имя: лишенное дара речи существо не могло выбрать его самостоятельно. Максимум, на что меня хватило, — это вычеркнуть уменьшительно-ласкательное окончание из «Лэйни»; получилось «Лэйн», в один слог. Похоже на нечто, чему не станешь удивляться, встретив где-нибудь на обочине шоссе¹.

Наверное, мне уже никогда не узнать, что именно щелкнуло в голове у моего похитителя, побудив пойти на громадный риск и оставить меня в живых. Впрочем, строить догадки мне никто не запрещал. И избавиться от подозрения, будто какая-то безымянная сила Вселенной сберегла меня для чего-то даже пострашнее, мне никак не удавалось.

Сейчас, когда мои кроссовки ритмично бьют по асфальту и вызванная каждым шагом ударная волна сотрясает залежи костного мозга в закоулках скелета, я не могу не задаваться вопросом, отчего так вышло.

Меня пощадили, чтобы я попробовала что-нибудь предпринять, как-то помочь следую-

---

¹ Созвучно с прилагательным *lain* (англ.) — «тупой», «негодный», «неполноценный». В качестве существительного *lane* (англ.) — «проселочная дорога», «перелук». (Здесь и далее прим. переводчика.)

щей похищенной? Другой вариант, несколько более мрачный: меня пощадили, чтобы, не будучи в силах этому помешать, я в ужасе наблюдала со стороны, как моя злая судьба настигает кого-то еще.

Я переключаю внимание на жжение в легких, на ровный жар, упорно томящий мышцы моих натруженных бегом ног, — но этого недостаточно, чтобы отвлечься от мыслей о том, что полыхает в моем кармане по соседству с телефоном, сложенное пополам, потом — еще раз, потом — еще, пока слои бумаги не отказались сгибаться. Шарлин вручила мне четыре одинаковые листовки, но у дверей магазина рядом с яркой желтой рекламой, сулящей скидку на цельные куриные тушки, остались висеть только три. Наша Шарлин, как и подсказывает ее облик, натура требовательная и наверняка заметит недостачу, но, надеюсь, не заподозрит меня. Решит, что кто-то из покупателей осмелился отлепить одну листовку и по какой-то неведомой причине оставил себе.

Я ловлю себя за руку, засунутую в карман, — словно воришку в тот момент, когда уже слишком поздно. Твердые края многократно сложенной листовки трутся о тыльную сторону ладони; чтобы отвлечься, я достаю телефон и впиваюсь взглядом в дисплей. Мне никогда не звонят, и я не торчу безвылазно в социальных се-